

БЕГЛЕЦ

Фантастический рассказ

Вертолет снизился до четырехсот метров и, накренившись, пошел по кругу.

— Видите желтое пятно? — спросил пилот Березина. — Это и есть Драконья пустошь; посередине — Клык Дракона.

Клык представлял собой совершенно гладкий каменный палец диаметром около сотни метров и высотой чуть выше трехсот. Палец был окружен обширным песчаным «оазисом», который с трех сторон охватывала тайга, а с четвертой ограждали пологие, израненные фиолетовыми тенями бока Салаирского горного кряжа.

— Давай вниз, — показал рукой Березин.

Пилот отдал штурвал, и вертолет провалился вниз, взревев мотором у самой вершины скалы.

С трехсотметровой высоты Драконья пустошь казалась бесконечной пустыней, ровной и гладкой до удивления. Ни камня, ни кустика Березин на ней не заметил, несмотря на свой двенадцатикратный бинокль. Негреющий желток солнца над горизонтом и белесый пустой небосвод довершали картину мертвого спокойствия, царившего в природе.

Счетчик Гейгера и дублирующий дозиметр Березин включил еще в воздухе, но они молчали — повышенной радиации над Драконьей пустошью не было. Но что-то же было, раз

его, эксперта Центра по изучению быстротекущих явлений природы при АН СССР, послали сюда в командировку.

— Ты случайно не знаток местных легенд? — спросил Березин, подходя к краю площадки.

— Не знаток, но... алтайцы говорят — дурная здесь земля. Зверь вокруг пустоши не живет, люди тоже почему-то не селятся. По преданиям, в этих краях обосновался дракон, дыханием своим иссушающий сердца людей...

— Поэтично... и загадочно. Радиоактивности нет, обычный фон, и это очень странно. Потому что два дня назад...

Два дня назад в районе Салаира разразилась магнитная буря с центром в зоне Драконьей пустоши, а спутники отметили здесь еще и источник радиации. Березин вылетел к Салаирскому краю сразу же, как только в Центр пришла телеграмма, но, выходя, пока он собирался, источник радиации снова исчез.

— Очень странно, — повторил Березин задумчиво.

Пилот выглянул из кабины. На лице его, хмуром от природы, отразилось вдруг беспокойство.

— Ничего не чувствуешь? Мне почему-то хочется смотреть отсюда, и побыстрей.

От этих слов Березину стало не по себе, пришло ощущение неуютности, и ему внезапно показалось, что в спину ему пристально смотрит кто-то чужой...

Впечатление было таким острым и реальным, что он невольно понял, озираясь и чувствуя, как потеют ладони. На многие километры вокруг не было ни единой души, кроме них двоих, но ощущение взгляда не исчезало, усиливалось и наконец стало непереносимым.

— А, ч-черт, поехали!

Березин ретировался под сомнительную защиту вертолета, влез в кабину и захлопнул дверцу.

— Ага! — пробормотал пилот. — Тоже проняло?

Вертолет взмыл в воздух, мелькнули под ним и ушли вниз отвесные бока скалы и сменились желто-оранжевой, ровной как стол поверхностью песков. Клык Дракона отдался...

— Сядем на песок? — спросил Березин, все еще глядя на таинственную скалу, странный каприз природы, воздвигнувшей идеальный обелиск в центре песчаного массива. Уж не работа ли это человеческих рук? Но кто, когда сделал это и главное, — зачем?

Пилот отрицательно мотнул головой.

— На песок нельзя.

Спустя несколько минут вертолет завис над узенькой полойкой земли возле стены леса и спружинил на лапы.

Только теперь Березин обратил внимание на то, что лес, начинавшийся всего в полусотне шагов, был какой-то странный — сплошной сухостой. Корявые стволы переплелись безлиственными ветвями, создавая мертвую серую полосу вдоль песчаного пляжа насколько хватал глаз. Живой, зеленый лес начинался за этой полосой.

Березин с недоумением разглядывал колючую поросль высохшего кедрового стланика, подумал: не пролетала ли здесь когда-нибудь саранча, но пилот окликнул его, и он поспешил на зов.

— Смотри, — пилот подобрал камень и забросил на недалекую песчаную гладь. Камень упал и исчез из глаз, словно нырнул не в песок, а в воду.

— Зыбун.

— Зыбун? — удивился Березин. — То-то песок такой гладкий — ни барханов, ни ряби... Зыбун!.. На все два десятка километров?

— Факт. Когда начинается ветер, песок аж течет, сам видел. Ну что, будешь брать пробы?

— Непременно. А завтра заберем помощника, перевезем палатку и все необходимое. Чувствую, придется позагорать. И Березин энергично принялся за работу.

А через полчаса, когда он взял необходимые пробы грунта, сделал замеры и собрался отнести приборы к вертолету, горизонт вдаль над центром песчаной плещи вспыхнул вдруг лиловым пламенем, песчаная равнина встала дыбом, и спустя несколько секунд жаркий ревущий вихрь обрушился на лес.

Воздушная волна отбросила Березина глубоко в колючие заросли сухого леса. Пока он выбирался, царапая тело острыми сучьями, рев слегка утих, как бы отдалился. Теперь он напоминал шум водопада, слышимого с недалекого расстояния.

— Жив? — окликнул Березин пилота.

— Очень может быть, — мрачно отозвался тот, не видимый из-за плотной желтой пелены пыли.

Березин пробрался на голос, зажимая нос платком, обошел смутно видимую тушу вертолета и сел рядом.

— Что это было?.. Ох и запах, чуеть?

— Чую, — пилот закашлялся. — Вертолет вот повалило, придется теперь попотеть, пока поставим на лапы. А рвануло как раз в районе Клыка, недаром меня тянуло выбраться оттуда.

— Метеорит? Или испытания баллистической?

Пилот пожал плечами, снова закашлялся, прикрывая рот ладонью.

— К чему гадать? Подождем, пока осядет пыль, поставим вертолет и слетаем.

Желтая мгла рассеялась настолько, что стал виден лес, пустыня и зеленоватое небо. В той стороне, где прогремел неожиданный взрыв, все еще гроыхало и в небо ввинчивался черный с синим столб дыма, подсвеченный снизу оранжевым. Дым с глухим ворчанием распухал в плотное облако, расползающееся по пескам.

— Чему там гореть? — пробормотал пилот, глядя на тучу из-под козырька ладони. — Ведь скалы одни...

Березин постоял рядом, напрягая зрение, потом вспомнил о своем бинокле, кинулся было в кабину и неожиданно заметил невысоко над песком движущееся черное пятно. Оно медленно, плавно плыло по воздуху, заметно снижаясь на

ходу, и было в его очертаниях что-то необычное, притягивающее взор.

Не сговариваясь, они бросились к тому месту, где должно было приземлиться пятно, и, еще не добежав, Березин решил, что это... человек, одетый в черный комбинезон.

Плыл он в очень неестественной позе метрах в трех от земли, словно ничего не весил, и пролетел бы мимо, если бы пилот, отломивший на бегу длинный сук, не остановил неуклонное скольжение незнакомца. Тело человека медленно обернулось вокруг конца ветки и вдруг тяжело рухнуло на землю, будто оборвав те невидимые нити, которые поддерживали его в воздухе.

Березин обошел тело, нагнулся, всматриваясь в лицо незнакомца. И насторожился. Лицо упавшего, несомненно, принадлежало человеку, и все же наметанный глаз эксперта отметил и безупречные овалы глаз, открытых, но темных, без проблеска мысли, и прямой, едва выступавший нос, и слишком маленький рот, и чрезвычайно густые брови... Человек? Или?.. Впрочем, что значит — «или»?

— Чудной какой-то, — буркнул пилот, встречая взгляд Березина. И тут с глаз незнакомца исчезла темная пелена. Через несколько секунд они стали прозрачными, наполнились «электрическим» сиянием. Незнакомец неуволимо быстро изменил позу, точно перелился из положения «лежа» в положение «сидя», некоторое время не сводил своих необычных глаз с облака пыли и дыма на горизонте, потом непонятная гримаса исказила его лицо, и низкий чуть ли не уходящий в инфразвук голос медленно произнес:

— И последняя ошибка...

В этом голосе было столько горечи, что Березин проглотил вертевшиеся на языке вопросы и молча стоял рядом, мучаясь от сознания своей беспомощности. Выручил пилот.

— Кто вы? — спросил он хрипло.

Незнакомец повернул голову.

— Землянин, — с неожиданной тоской отозвался он после паузы. — Можете называть меня Деон. Веселенькая ситуация, не правда ли?

— Ситуация, конечно, того... — обрел дар речи Березин. — Но на человека вы... в общем-то...

Незнакомец с видимым интересом оглядел Березина, пилота и вдруг улыбнулся.

— Я не сказал — человек, — произнес он все тем же низким голосом. — Я Деон, землянин, и только.

Прилетевший словно погас, неожиданно лег, вернее, перетек в лежачее положение и продолжал уже лежа:

— Кроме того, я беглец.

Березин посмотрел на растерявшегося пилота, лихорадочно соображая, что делать дальше. Обстановка складывалась исключительная, и, хотя он и был подготовлен к неожиданностям — год работы экспертом в Центре приучил его ко всему, — такого поворота событий не ожидал.

— Что предлагаешь делать? — быстро спросил он, отводя пилота в сторону и понижая голос.

— Его надо в Москву... — робко предложил пилот.

— Не успеете, — сказал сзади Деон; как видно, слух у него был отменный. — Время моей жизни истекает, я успею лишь ответить на ваши вопросы и объяснить, кто я такой.

Березин слушал Деона с неопределенным чувством — нечто среднее между иронией, изумлением и тревогой. Поверить до конца в происходящее он не мог, не мог и решить, как к нему относиться.

По словам странного пришельца, двести миллионов лет назад на Земле существовала цивилизация, по какой-то причине (по какой — Деон уточнить не захотел) исчезнувшая в веках. Лишь немногие, в том числе и он сам, успели бежать в будущее, найдя миллионы лет спустя новую цивилизацию, современную, молодую, горячую и... небезопасную.

— Да, небезопасную, — повторил Деон. — К сожалению, у нас не было выбора. Вы, люди, — диэнерги! Вы излучаете сразу два вида энергий: разрушения и созидания! Вам неведомо, что источниками излучений являются ваши эмоции: энергии разрушения — зло и ненависть, созидания — доброта и гуманизм. Источник один — эмоции, но виды энергий разнятся так же, как ваши машины для созидания отличаются от машин для разрушения. Вы даже не подозреваете, что обладаете исполинской силой, способной творить вселенные! И тратите эту силу поистине с безумной щедростью, но главное — абсолютно бесполезно, даже не замечая ее существования. Кроме редких случайных проявлений — телепатии, например, телекинеза... Взамен над чувствами начинает преобладать трезвый расчет и появляются на свет атомные бомбы, напалм и генераторы смерти...

Деон замолчал.

— Почему же наша цивилизация небезопасна? — спросил задетый Березин, когда молчание затянулось. — Только из-за совершенствования орудий истребления?

— В последнее время наши... назовем их приборами, стали фиксировать нарастающую волну бессмысленных трат энергий разрушения, а мы достаточно опытные, чтобы понимать, к чему это ведет.

— Равнодушие? — догадался Березин, мрачней.

— Равнодушие. Природа не терпит пустоты, и, не встречая сопротивления, гипертрофически растет безликая энергия равнодушия, которую слишком просто обратить в энергию разрушения... К чему мы и пришли за двести миллионов лет до вашего рождения.

Мои товарищам повезло больше, многие из них прошли инверсию времени благополучно, выбрав другие отрезки вашей истории. А я ошибся, ошибся дважды... уже само бегство было ошибкой, — голос Деона понизился до шепота, — трагической ошибкой

— А взрыв? — не удержался пилот, не в пример Березину слушавший с жадным интересом и поверивший пришельцу сразу и безоговорочно.

— Инерция была слишком велика, когда я захотел остановиться, — прошептал Деон, — и инвертор времени захлебнулся.

Через четверть часа им удалось поставить вертолет на лапы, и пилот снял переборку за сиденьями, куда они с превеликим трудом поместили Деона: тело неожиданного бегльца из прошлого оказалось необычно тяжелым. Он не сопротивлялся, только сказал:

— Напрасно вы возитесь со мной, помочь мне не в силах никто. Я не гуманоид... да-да, видимый мой облик, все эти «руки», «ноги» — порождение вашей фантазии, как и мой «русский» язык. Вы с товарищем и видите-то меня, должно быть, по-разному...

Березин не удивился, только кивнул, его уже трудно было чем-нибудь удивить, к тому же беспокоила одна мысль.

— Излучение зла... — сказал он, кое-как уместаясь над поверженным пассажирским сиденьем. — Это, наверное, условность?

— Разумеется, — отозвался Деон. — Градации энергии эмоций вообще условны. Излучение имеет спектр, и каждая эмоция дает свою полосу. Какая ирония природы — вы, величайшие из творцов, не знаете своей огромной творческой силы!

«Огромные силы — это верно, — подумал Березин, перед мысленным взором которого промелькнули картины человеческой деятельности. — Но одновременно и страшные силы! Если, конечно, все это не шутка и не розыгрыш гипнотизера... или бред больного. Хотя... на больного, честно говоря, Деон не похож... Сколько еще у человека злобы и ненависти, равнодушия и зависти! Может, и права эволюция, что не раскрыла нам сразу всего нашего могущества: прежде надо научиться излучать в одном диапазоне — доброты и отзывчивости. А пока к нам бегут из бездны прошлого — парадокс? Не потому ли, что сами оказались бесильными перед своим собственным могуществом?

— А что это значит — управлять энергией зла и доброты? — спросил Березин.

Деон отрицательно качнул головой, молчал с минуту.

Фыркал мотор, пилот, не вмешивавшийся в беседу, несколько раз выскакивал из кабины и возился наверху. Наконец он запустил двигатель, и кабина задрожала от вибрации ротора.

Потом раздался невыразительный голос (голос ли?) бегльца:

— Пожалуй, вам можно дать знание своей собственной радиации доброты, я прозондировал вас достаточно глубоко. Но... предупреждаю, это может повлечь за собой несчастье, хотя я уверен: вы сможете воспользоваться этим знанием не только для себя... и не во вред другим.

Глаза Деона налились белым светом, у Березина внезапно закружилась голова, и он судорожно ухватился руками за какую-то перекладину над собой. И в это время тело Деона стало вдруг распухать и распадаться черным дымом. Дым заполнил кабину, перехватил дыхание.

Березин ударил ногой в дверцу и вывалился из кабины на землю, задыхаясь от кашля. Отползая на четвереньках от вертолета, из которого, как из кратера вулкана, валил дым, он увидел по другую сторону отчаянно ругавшегося пилота, проворно отбегающего по песку.

Двигатель продолжал работать, лопасти вращались и прибивали струи дыма к земле. «Он умер! — метались лихорадочно мысли. — Неужели такова его смерть?! А спасти его мы бы все равно не смогли, он был прав... И все же это несправедливо...»

Глаза начали слезиться, кашель выворачивал внутренности наизнанку, голова гудела, и Березин, судорожно загибая землю руками, отползал от вертолета все дальше и дальше...

— И тут я потерял сознание окончательно, — Березин облизнул сухие губы и замолчал.

— Да-а... — пробормотал Богаев, избегая смотреть на больного. — Очень интересно... и правдоподобно. Однако вынужден тебя огорчить — все это тебе привиделось. Или почудилось, показалось, померещилось: выбирай любую формулировку.

— Расспросите пилота, он подтвердит.

Богаев нахмурился, встал со стула, поправил сползающий с плеч халат и подошел к окну палаты.

— Пилот погиб, — сказал он глухо. — Когда взорвался этот проклятый газовый мешок, вертолет ваш, очевидно, перевернуло, и двигатель загорелся.

— Газовый мешок? — прошептал Березин. — Загорелся вертолет? Не может быть!

— К сожалению, может. Тебя подобрали в глубине сухого леса, а он... его нашли в песке слишком поздно.

— Газовый мешок!..

— Подземные пустоты, заполненные газом. Наверное, раньше газ просто просачивался в районе Драконьей пустоши понемногу, а когда мешок взорвался, волна газа окатила все вокруг пустоши на десятки километров. Отсюда и твои галлюцинации — надыхался. Излучение зла... надо же придумать!

Березин посмотрел на свои забинтованные руки. Галлюцинации! Ничего этого не было! Не было странного беглеца из страшно далекой эпохи по имени Деон, не было их разговора... И вдруг Березин вспомнил: «Я дам вам знание своей собственной радиации доброты». Что хотел сказать Деон? Ведь он был, был!

— Разбинтуйте-ка мне руки, — попросил Березин тихо.

— Зачем? — удивился Богаев, оборачиваясь.

— Разбинтуйте, пожалуйста.

— Ты с ума сошел! — Богаев с тревогой посмотрел в глаза Березину. — Зачем это тебе? Врач меня из окна выбросит, когда увидит. Несмотря на то, что я твой начальник.

— Авань не выбросит, вы быстро.

Богаев помедлил, пожал плечами и стал неумело разбинтовывать руки пострадавшего, пропахшие антисептикой, в желтых пятнах ушибов и ссадин.

— Ну и что дальше?

Березин тоже смотрел на свои руки, лицо его осунулось, стало строже и суровей.

А затем Богаев увидел, как руки Березина вдруг посветлели, порезы и ушибы на них исчезли, словно с рук смыли краску.

Березин без сил откинулся на подушку, полежал немного, отдыхая и весело глядя на побледневшего начальника. Потом неожиданно подмигнул ему и медленно воспарил над кроватью...

Борис ПАРМУЗИН — Злость чужих ветров
Василий ГОЛОВАЧЕВ — Беглец
Катастрофа
Раф ВАЛЛЕ — Прощай, полицейский!

Цена 40 коп.

